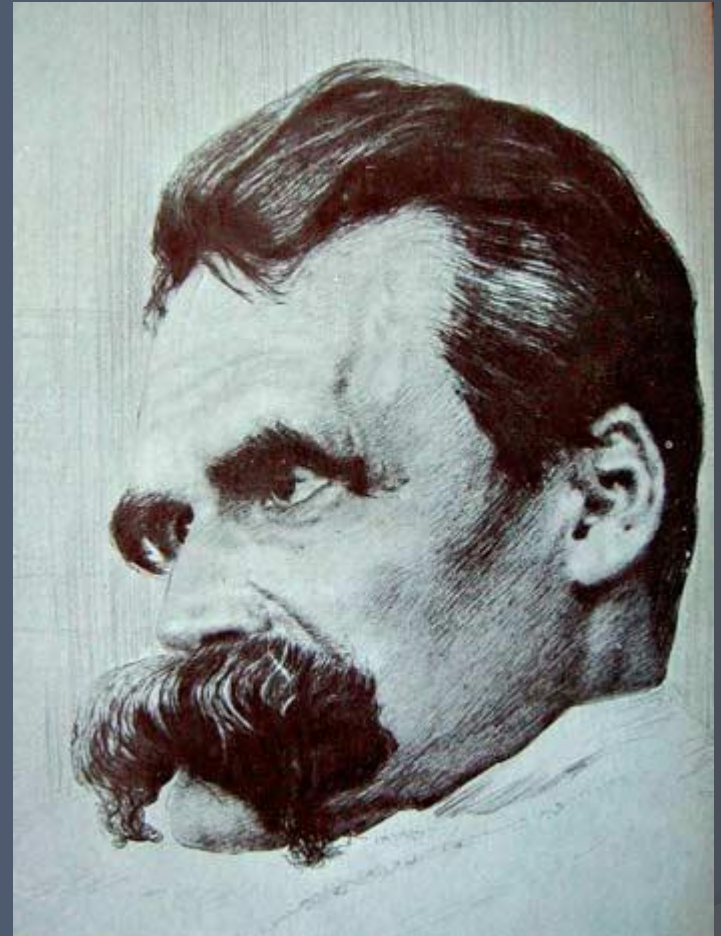

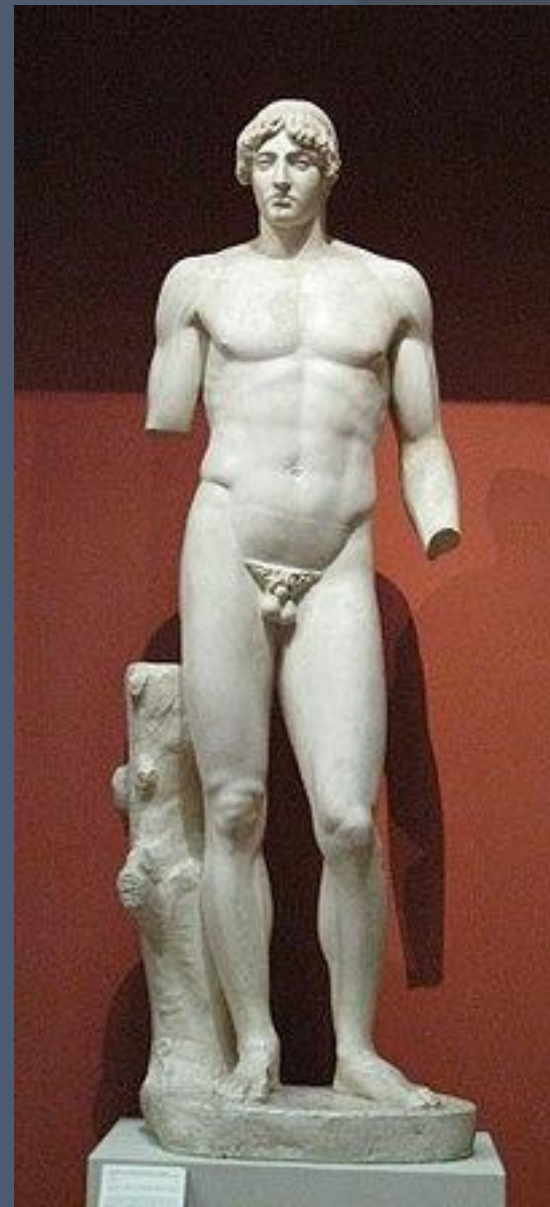
Фридрих Ницше

**РОЖДЕНИЕ
ТРАГЕДИИ ИЗ ДУХА
МУЗЫКИ**

Фридрих Ницше находит в классической афинской трагедии художественную форму, основанную на пессимизме и нигилизме, которые порождаются бессмысленным по своей сути миром. Греческие зрители, глядя в бездну человеческого страдания и принимая его, страстно и радостно утверждали смысл собственного существования. Они осознавали себя бесконечно выше обычных мелких индивидуальностей, находя самоутверждение не в иной жизни и не в грядущем мире, но в ужасе и экстазе, переживаемых во время исполнения трагедий.

Ницше размышляет об истории рождения трагической формы искусства и вводит понятие о дихотомии (раздвоенности) между «дионисийским» и «аполлоновским» началами (то есть, о представлении реальности как дикой, неоформленной чувственной стихии – и её упорядоченности по ясным, хорошо различаемым друг от друга формам). Согласно Ницше, там, где преобладает дионисийское, аполлоновское вытесняется и уничтожается, а там где первый натиск дионисийского успешно отражается, власть и величие дельфийского бога Аполлона проявляется более жестко и грозно, чем когда-либо. Тем не менее, ни одно из двух начал никогда не может возобладать над другим полностью, ибо им суждено существовать в вечном, естественном равновесии.

Статуя Аполлона в Пушкинском музее

Ницше утверждает, что древнегреческая трагедия является высшей формой искусства, ибо она соединяет аполлоновский и дионисийский элементы в неразрывном целом, позволяя зрителю испытать полный спектр состояний человеческого духа. Дионисийский элемент содержится в песнях и музыке хора, а аполлоновский – в диалоге актёров, который вносит в эллинскую трагедию конкретный символизм, уравнивающий разгул стихии Диониса. Аполлоновский дух здесь придаёт форму необузданному дионисийскому чувству.

Дионис

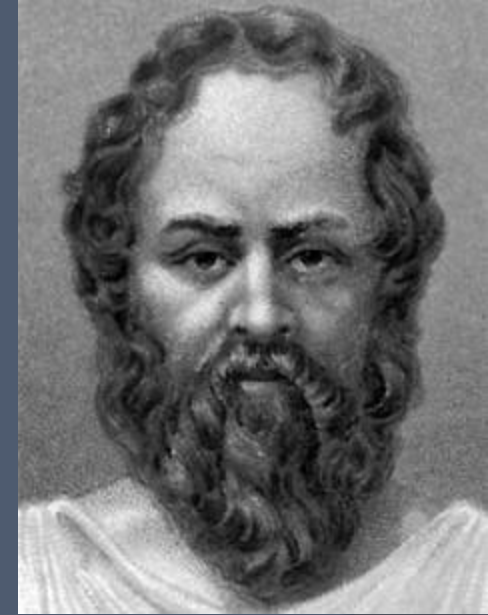
Присутствие мистического аспекта в искусстве и мифа было утрачено греками – и вместе с ним, многое из способности человека творчески жить в оптимистичной гармонии со страданиями бытия. Фридрих Ницше полагает, однако, что равновесие дионисийского и аполлоновского начал, возможно, будет восстановлено в современном искусстве благодаря операм **Рихарда Вагнера** и возрождению ими духа древней трагедии.

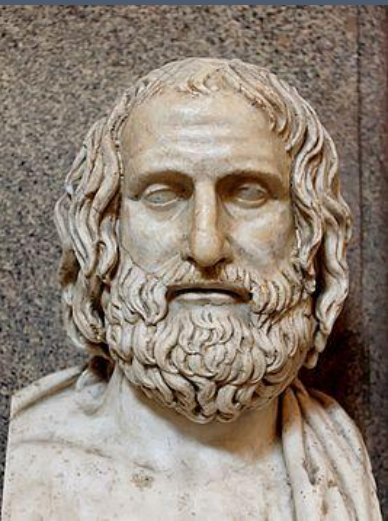
Рихард Вагнер

Ницше полагал, что греческий дух вёл упорную схватку с пессимизмом. Вселенная, в которой мы живем, – продукт великих противоборствующих сил, хотя теперь мы не видим и не осознаём её таковой. Человеческая судьба похожа на древнегреческую трагедию. Она как раз и состоит в том, чтобы пребывать под контролем темных мировых дионисийских сил и в то же самое время тешить себя мечтательным миром спокойных аполлоновских иллюзий.

Согласно Ницше, задача людей – переживать и осознавать дионисийскую сторону жизни, не упуская самоочевидного значения аполлоновского начала. Здорово – иметь равную опору в них обоих. Разработанный Ницше взгляд на афинскую трагедию разъясняет, как именно дионисийский и аполлоновский элементы жизни были художественно переплетены в ней до Еврипида и Сократа. Греческий зритель имел верный взгляд на мир благодаря непосредственному опыту дионисийского под защитой аполлоновской сценической формы трагедии.

Сократ

Еврипид